

From Northern Abundance to Crises Resistance: Strategies and Survival Practices in the Russian North in the Crisis of the 1990s

---

Vera P. Kliueva

Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
Tobolsk, Russia. Email: [vormpk\[at\]gmail.com](mailto:vormpk[at]gmail.com) ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5594-3952>

Received: 2 May 2024 | Revised: 4 September 2024 | Accepted: 17 September 2024

Abstract

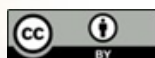

The paper focuses on the analysis of survival practices in northern Russian settlements that developed in the 1990s. Most of the northern settlements were in a state of decline: changes in the socio-demographic composition and population size, transformation of the local economy, degradation of transport infrastructure, deterioration in the quality of life. The reason for the decline was the decentralization of the northern regions of the country – the destruction of established economic and social ties and supply problems. It was in the 1990s that northern settlements began to notice their isolation from the central regions of the country and develop their own survival strategies and practices in difficult climatic conditions. For comparison, two cases were chosen: the agglomeration of Kirovsk-Apatity (Murmansk region) and Ust'-Kamchatsk (Kamchatka Peninsula); materials collected in the Khanty-Mansiysk Autonomous District, Murmansk region, and Sakhalin are also used. The concept of resilience is used as a methodological basis. The basics for the analysis were the materials of field expeditions in a number of regions of the Russian North conducted in 2017-2022.

Keywords

Russian North; Arctic; Crisis of the 1990s; Everyday Life; Survival Practices; Resilience; Infrastructure; Territorial Isolation; Migration Drift; Northern Delivery

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

От северного «изобилия» к сопротивлению кризисам: практики и стратегии выживания на Российском Севере в 1990-е годы

Клюева Вера Павловна

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН. Тобольск, Россия.

Email: [vormpk\[at\]gmail.com](mailto:vormpk[at]gmail.com) ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5594-3952>

Рукопись получена: 2 мая 2024 | Пересмотрена: 4 сентября 2024 | Принята: 17 сентября 2024

Аннотация

В статье рассматриваются повседневные практики и долгосрочные стратегии выживания северян, сложившиеся в населённых пунктах севера России в 1990-е годы. В этот период здесь происходят изменение социально-демографического состава и численности населения, трансформация местной экономики, деградация транспортной инфраструктуры, ухудшение качества жизни. Причиной упадка стала децентрализация северных регионов страны, повлёкшая за собой разрушение социальных и экономических связей. Тогда же северные населённые пункты стали замечать свою оторванность от центральных регионов страны и вырабатывать собственные стратегии выживания в трудных климатических условиях. Для сравнения были выбрано две локации: агломерация Кировск-Апатиты (Мурманская область) и Усть-Камчатск (Камчатский край), для иллюстрации отдельных положений привлекаются материалы, собранные в Ханты-Мансийском автономном округе, Мурманской области, на Сахалине. Делается вывод о том, что повседневность для жителей была борьбой за выживание. Методологически статья опирается на концепцию жизнестойкости, под которой понимается способность к выживанию в кризисных условиях, например, при резком изменении природных или экономических условий. Статья написана на материалах полевых исследований, проведённых в 2017-2022 гг.

Ключевые слова

Российский Север; Заполярье; кризис 1990-х годов; повседневность; практики выживания; жизнестойкость; инфраструктура; территориальная изолированность; миграционный дрейф; Северный завоз

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Вектор государственной политики в советский период был направлен на заселение негостеприимных территорий Арктики, Сибири и Дальнего Востока. Хотя здесь жило индигенное население (к примеру, на Кольском полуострове жили саамы, на Камчатке – ительмены, на Ямале – ненцы, и пр.), но патерналистские и колониалистские взгляды, присущие советскому обществу, не позволяли относиться к ним как к самостоятельным акторам. Поэтому и традиционные места их проживания воспринимались как «пустые», нуждающиеся в заселении. Освоение северных окраин страны было важным направлением советской политики, основанной на модернистском колониальном дискурсе, призывающем к завоеванию якобы пустых территорий, их включению в экономику и промышленную разработку. Советское «завоевание» Арктики, которое проводилось под антиколониальными лозунгами (Гололобов, 2017, с. 140), было прямым продолжением начатой ещё С. Ю. Витте колонизации Русского Севера.

В конце 1980-х в стране начались общественно-политические изменения и экономический спад, усугубленный перераспределением ресурсов страны. Наиболее тяжелым для выживания оказалось первое постсоветское десятилетие – 1990-е годы. Большинство российских городов пришло в состоянии упадка, причиной которого стала децентрализация страны – уничтожение налаженных экономических и социальных связей, проблемы со снабжением, некомпетентность местных властей. Особенно сильно децентрализация затронула северные города. Проблемы экономического и социального характера усугублялись суровыми климатическими условиями и сильной зависимостью от Северного завоза¹. Кризис 1990-х оказал влияние и на северян, приехавших покорять/осваивать территорию в советское время.

Статья посвящена анализу последствий децентрализации страны, проявившихся в повседневности горожан северных и отдалённых регионов России. Будут рассмотрены повседневные практики и долгосрочные стратегии выживания, выработанные в 1990-е годы горожанами-северянами. Хронологически исследование будет ограничено периодом конца 1980-х – 1990-ми годами, который был переломным моментом в социально-экономической и политической жизни страны. Но кроме видимых изменений, можно говорить о внутренних изменениях очевидцев. Именно об этом пишет Томпсон, противопоставляя «советский период безмятежности» кризису постсоветского времени (Thompson, 2008, p. 94).

1 Северный завоз – государственный завоз энергоносителей, топлива и продовольствия в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности. Необходимость Северного завоза обуславливалась сильной удалённостью многих северных территорий от центральных районов страны, их ограниченной транспортной доступностью только в короткие периоды морской и речной навигации и продолжительным отопительным периодом, что вызывало потребность создавать значительные межсезонные запасы сырья и продовольствия.

География исследования охватывает территорию российской Арктики (Мурманскую область) и районы, приравненные к Крайнему Северу (прежде всего Камчатку, а также Сахалин и Ханты-Мансийский автономный округ). При этом автор придерживается точки зрения Н. Б. Вахтина и Ш. Дудека, которые предлагают говорить об интуитивном понимании границ Севера для самих северян. «Если на просьбу, например, мурманчан “рассказать, как люди живут в других северных районах” они рассказывают о жизни на Таймыре, на Камчатке или в Магадане — это не вызывает никакого недоумения, несмотря на то что какие-то из этих территорий входят в Арктическую зону Российской Федерации, а другие нет, какие-то могут считаться “Арктикой”, а какие-то не могут. В конце концов, никакого “объективного” определения Севера или Арктики все равно дать невозможно» (Дети девяностых..., 2020, с. 14). Соглашаясь с ними и опираясь на свой полевой опыт, я буду использовать термины [русский] Север, Крайний Север и Арктика, в значительной степени, как синонимы.

Историография вопроса

На протяжении всего XX века – как в имперский, так и советский периоды – страна сосредоточилась на индустриализации и милитаризации, что отразилось на характере освоения территории. Планомерные научные изыскания выявили богатейшие запасы полезных ископаемых, и их добыча сделала советский Север одним из наиболее динамично развивающихся регионов страны. Одновременно с этим интенсивное промышленное освоение повлекло за собой урбанистическое развитие территории. Цифры, иллюстрирующие рост новых поселений, показывают, как интенсифицировался этот процесс. Практически с нуля были построены десятки населённых пунктов. В 1926 г. на Севере существовали 10 городов и один рабочий посёлок, к 1933 г. их стало уже 14 и 27 соответственно (Крайний Север, 1934, с. 8). А к 1960-м уже насчитывалось более 600 различных индустриальных поселений¹. Первоначально это было следствием репрессивной политики властей и возникновением населённых пунктов в зоне ГУЛАГа в 1930-50-е гг., а позднее с необходимостью заселения районов нового освоения (районов нефте- и газодобычи, зоны БАМа и т.д.). Интенсивность процесса урбанизации мы можем видеть на примере Тюменской области, которая включала в себя Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Здесь в период с середины 1960-х гг. до 1989 г. в связи с разработкой нефтегазовых месторождений появилось 14 городов и 50 рабочих посёлков (Колева, Стась & Шорохова, 2013, с. 130, 135; Дашинамжилов, 2018), хотя до 1965 г. в области было всего лишь 7 городов. В целом к 1990-му году на советском Севере было около 130 городов и не менее 800 рабочих посёлков.

¹ Подробности урбанизационного освоения советского севера до 1960-х гг. подробно рассмотрены в диссертации Е. Калемановой (2019, с. 40-83).

Интенсивное ресурсное освоение северных регионов изначально моделировало жизненный цикл новых городов. Большинство из них должны были стать центрами предприятий горной промышленности и металлургии (в Мурманской области, республике Коми и Красноярском крае) или освоения нефтяных и газовых месторождений (в Тюменской и Томской областях). Жизнь преобладающего числа горожан должна была также выстраиваться вокруг профильных предприятий. Формирование структуры населения в новообразованных городах и посёлках повторяло логику заселения городов, возникших в период раннесоветской индустриализации (рубеж 1920-1930-х гг.). В обоих случаях населённым пунктам была присуща миграционная активность жителей, текучесть рабочих кадров и преобладание жителей молодого и среднего возраста (до 50–55 лет). Но если в 1920–1930-е годы государство справлялось с этой ситуацией принудительными мерами – через «самозакрепление» и введение института прописки для добровольных переселенцев или принудительным переселением «спецпоселенцев» и репрессированных (Меерович, Коньшева & Хмельницкий, 2011, с. 74–99), то в позднем СССР использовалось экономическое, материальное и социальное стимулирование – повышенная зарплата, льготный отпуск, возможность уйти на пенсию в более раннем возрасте (см., например, Куцев, 1989, с. 34, 94). Из-за бытовых проблем и отсутствия минимального комфорта специалисты уезжали через год-два после приезда. В советской терминологии такое явление называлось «текучка» и осуждалось либо замалчивалось. Трудности, с которыми сталкивались приезжавшие на Север, были подробно описаны журналистами популярной «Литературной газете» в очерке «Путешествие к феномену» (1967 г.) (Левиков и др., 1967).

Методы и методология

Чтобы показать разнообразные вариации практик и стратегий выживания, подробно остановлюсь на двух кейсах. Первый из них будет посвящён ситуации 1990-х гг., происходившей в локации, состоящей из двух городов: Апатиты и Кировск (Мурманская область); второй кейс – посёлок Усть-Камчатск (Камчатский край). Их выбор обоснован тем, что они представляют своеобразную выборку «максимальной вариации», отличаясь друг от друга социальной структурой населения, географическим положением и, частично, уровнем благосостояния в предыдущие годы. Кировск и Апатиты находятся в Заполярье, расположены на близком расстоянии друг от друга и имеют тесные социальные и экономические связи; они могут быть описаны как городская агломерация. Кировск – моногород, рядом с которым действует несколько рудников по добыче апатит-нефелиновой руды и обогатительная фабрика. Большинство жителей Кировска – шахтеры. Апатиты – второй по величине город в Мурманской области, один из первых советских наукоградов. Значительную часть пространства Апатитов занимает Академгородок

Кольского филиала АН СССР (сейчас – Кольский научный центр РАН)¹. Апатиты тесно связан с горным производством, большинство местных институтов были созданы для научного обеспечения промышленности Кольского полуострова; также здесь находится одна из обогатительных фабрик комбината «Апатит» и железнодорожная станция. Неудивительно, что здесь, наряду с традиционными способами выживания россиян 1990-х, проявились уникальные практики научного сообщества.

Усть-Камчатск – поселок, расположенный в восточной части Камчатского полуострова. В советские годы в Усть-Камчатске функционировал морской порт, который специализировался на экспорте рыбы и леса, а также рыбокомбинат и леспромхоз. Большинство жителей работало в рыбообработывающей промышленности.

Для сравнения и иллюстрации отдельных положений привлекаются материалы, собранные в городах Ханты-Мансийского автономного округа, Мурманской области, Сахалина. В последние советские десятилетия (1970–80-е гг.) городские поселения этих регионов были более благополучными в экономическом отношении, чем многие города Центральной России. Их экономическое благополучие основывалось, прежде всего, на эксплуатации природных ресурсов (добыча нефти и газа, химические и горнотехнологические разработки, вылов и переработка рыбы). В 1990-е они становятся депрессивными, что сразу отражается как в городском пространстве, так и на изменении качественного и количественного состава населения.

Методологически статья опирается на концепцию жизнестойкости (resilience). Под жизнестойкостью понимается способность к выживанию в кризисных условиях, например, при резком изменении природных или экономических условий (см. подробнее об использовании концепции: Замятина, Клюева & Гончаров и др., 2023; Замятина, Котов & Гончаров и др., 2022). Северные города испытывают мощные кризисные воздействия значительно чаще, чем города в центре страны или южных регионах, в силу более динамичных изменений природной среды и большей уязвимости экономики Арктики (Замятина, Клюева & Гончаров и др., 2023, с. 5–6).

Как видим, ключевым понятием жизнестойкости становится сопротивляемость кризису. Важно отметить, что сила сопротивления зависит не только от экономической специализации, жизнеобеспечения, административно-управленческой и социокультурной систем города, но и от скорости реагирования населения на вызовы окружающей среды. Необходимо пояснить, что северяне не являются пассивными восприимчивыми деятелями деятельности крупных акторов, таких как государство, в лице федеральных или региональных чиновников, или крупных добывающих компаний. Несмотря на то, что крупные акторы, несомненно, оказывают значительное влияние

---

1 Строительство города началось в 1950-е годы, статус города Апатиты получил в 1966 г. До этого на месте города была железнодорожная станция, а затем посёлок. Первые постройки Академгородка были заложены в 1961 г.

на жизненные стратегии северян, у населения была и есть своя агентность, позволяющая реагировать на создаваемые условия.

Статья написана на материалах полевых исследований, проведённых в 2017–2022 гг. Для анализа было использовано 19 неструктурированных интервью, среди которых было два коллективных. Более подробно о респондентах см. в таблице 1.

Таблица 1. Список респондентов

Table 1. List of respondents

Ссылка при цитировании	Шифр	Локация	Дата проведения
Интервью 1	Коллективное интервью	пос. Никель,	декабрь 2020
Интервью 2	А.Г., муж.,	г. Оха,	июль 2019 г.
Интервью 3	Н.П., жен.,	г. Радужный	июль 2018
Интервью 4	Д., муж.,	г. Радужный,	июль 2018 г.
Интервью 5	Л.Б., жен.	г. Апатиты	февраль 2020
Интервью 6	Д.И. жен.	г. Кировск	февраль 2020
Интервью 7	Т. Ч., жен.	г. Кировск	февраль 2020
Интервью 8	М.Ч. муж.	г. Кировск	февраль 2020
Интервью 9	П.Ч., муж.	г. Апатиты	февраль 2020
Интервью 10	Г.Н. жен.	г. Апатиты	май 2022
Интервью 11	Коллективное интервью	г. Апатиты	февраль 2020
Интервью 12	Е.К., жен.	г. Апатиты	февраль 2020
Интервью 13	О.П., жен.	г. Апатиты	февраль 2020
Интервью 14	В.А. муж.	пос. Усть-Камчатск	июль 2019
Интервью 15	И.В., жен.	пос. Усть-Камчатск	июль 2019
Интервью 16	А., муж.	пос. Усть-Камчатск	июль 2019
Интервью 17	Е., жен.	пос. Усть-Камчатск	июль 2019
Интервью 18	А.К., муж.	г. Мурманск	февраль 2020
Интервью 19	Н.Л., жен.	г. Когалым	апрель 2015

Основные темы, затронутые при проведении интервью, – память о жизни в 1980–1990-е годы и потенциальное желание / нежелание отъезда с Севера в 1990-е и настоящее время. Среди респондентов есть люди, родившиеся на Севере или привезённые в раннем детстве, а есть те, кто сознательно приехал туда. Основным критерием для отбора респондентов было их физическое присутствие в северных городах и посёлках в конце 1980-х – 1990-е годы, т. е., большинство респондентов родилось не позднее 1980 года.

Постсоветский «западный дрейф» и появление «изолированных островов»

Усилия властей по привлечению трудовых ресурсов для работы в северных регионах оказались успешными. Как отмечает ведущий советский и российский демограф Ж. А. Зайончковская, начавшийся рост населения на арктических территориях в первой половине XX в. продолжился и в 1959–1989 гг. Неудивительно, что к началу 1990-х гг. Север был значительно перенаселён. «В результате на Севере и приравненных к нему районах оказалось 10 млн. чел., или 7% населения России, а трудовые затраты в расчёте на равное количество добытого сырья на порядок превышают таковые в других северных странах мира. При первых же шагах к рыночной экономике перенаселённость Севера стала очевидной. Оттуда начался стремительный отток населения, составивший за 1990–1998 гг. около одного млн. чел. (более 10% населения)» (Зайончковская, 1999, с. 25). Этот процесс снижения численности населения в северных и восточных районах страны получил названия «западный миграционный дрейф» (автор термина Ж. А. Зайончковская). В отношении городского населения эта тенденция была намечена уже в 1960-е годы, но наиболее ярко она проявилась в конце 1980-х – 1990-е гг. (Зайончковская, 1991; Зайончковская, 1999; Мкртчян, 2004). Население стало покидать север и восток страны, где льготы и надбавки к заработной плате в условиях быстрорастущей инфляции не только потеряли стимулирующую роль, но и не обеспечивали поддержание достойного уровня жизни. Во многих городах и посёлках происходил распад социальной сферы, появилась безработица.

Решить эту проблему можно было, зачастую, за счёт переезда в другое место. При этом уехать с Севера было сложно. У большинства северян не было средств на покупку жилья на новом месте, а некоторым даже не хватало денег на билет. Помощи государства (при закрытии нерентабельных шахт, например) и местной власти, заинтересованной в избавлении от избыточного населения, а также от новых владельцев предприятий оказалась недостаточно для организации массового выезда (Переведенцев, 2010, с. 24–25). Отмечу, что все негативные социально-экономические процессы 1990-х и начала 2000-х отразились на жителях. Многие поселения на российском Севере стали «изолированными островами», для которых остальная Россия по праву

называется «материком»¹ (по образному выражению Н. Мкртчяна). «Здесь нет железных и автодорог, транспорт здесь — авиа, морской или речной, причём последние два — на период короткого северного лета. Практически нет и магистралей, связующих регионы между собой» (Мкртчян, 2004).

Казалось бы, изолированность северных населенных пунктов была и в советский период. Но благодаря развитым коммуникациям — не только авиа-сообщениям, но и сезонному транспорту (водному и наземному) — она не ощущалась настолько сильно. Более того, для северян² характерна своеобразная сжатость пространства, когда они воспринимают расстояние не в километрах, а в часах или минутах перелёта или поездки до некоего центра (Москвы, Санкт-Петербурга, областного города или государственной границы). Для них апелляция к хронологическому времени и, дополнительно, сравнение длительности перелёта или железнодорожной / автомобильной поездки часто необходимо для преодоления ощущения изолированности и оторванности от центральных районов страны. Таким образом, восприятие своей изолированности такими северянами зависит не от расстояния, а от транспортной доступности, которая ими выражается в категориях времени: днях и часах³. Восприятие себя «на краю земли» формируется и меняется в зависимости от переменной скорости движения, которая выражается не в километраже, а во времени достижения конечной цели. Здесь мы видим свойственные периоду модернизации процесс «ускорения времени и сжатия пространства» (*time – space compression*) (Хамфри, 2010, с. 250).

Конечно, переход от доступности в 1980-х гг. к отсутствию коммуникаций в 1990-х гг. оказалось очень заметным. В советские годы ощущение изолированности дарило людям чувство безопасности. Большинство северных городов были закрыты для посторонних, т. к. находились в пограничной зоне (напр. частично Кольский полуостров и вся территория Ямала, Камчатки, Сахалина). Здесь характерен пример посёлка Никель (Мурманская обл.). Он находится рядом с норвежской границей, и чтобы сюда приехать, нужно было оформлять пропуск, подтверждающий право на пребывание. Градообразующим предприятием Никеля был комбинат Печенганикель, в 1989 г. ставшим частью концерна «Норильский Никель». Добыча и переработка медно-никелевой руды привели к тому, что посёлок в советские годы получил международную известность как место экологического бедствия (Josephson, 2014, pp. 252-256). Закрытость города, наличие градообразующего предприятия и присутствие военных

1 Понятия «материк» и «Большая земля», указывающие на центральные регионы России, использовались еще в 1930-е годы и до сих пор распространены в Сибири, Арктике и Дальнем Востоке.

2 Нечто подобное можно наблюдать и у индигенного населения. Здесь имеется в виду номадические практики мобильности, формирующие восприятие пространства и времени в неразрывной связи, при этом одно мыслится через другое. Пример: обещание добраться до стоянки в тундре за один или два часа, при фактическом времени пути в течение всего светового дня (Головнев, 2020; Давыдов, 2018; Истомин, 2018).

3 Кстати, подобная объяснительная модель до 2022 г. использовалась российскими программистами для подтверждения преимущества работы в финских IT-компаниях (Контарева, Масальская & Земнухова, 2019).

оценивалось горожанами как благо, т. к. следствием являлось отсутствие преступности, а также хорошее снабжение магазинов.

«В магазинах было все раньше. [Говорят] был подписан некий указ в Москве о включении Печенгского района и Никеля в том числе в какой-то особый список по снабжению. А у нас, я помню, [был] продуктовый магазин и там были продукты из Болгарии и Венгрии. И всегда были конфеты из Москвы и Ленинграда» (Интервью 1).

Таким же закрытым городом был город нефтяников Оха (о-в Сахалин).

«А сюда же просто так не приедешь, необходим вызов, потому что [здесь] погранзона была. [Нужен] вызов, [чтобы] пропуск оформить. А для того, чтобы вызов [оформить], предприятие обязуется обеспечить квартирой, обеспечить работой. И Сахалин был тихим, преступлений мизер, грабежей мизер. Бывало, мы забывали даже дверь закрыть на ключ» (Интервью 2).

Наступившие 1990-е оказались для северян очень болезненными. Наиболее ярко нарушение приватности и отсутствие безопасности запомнились в моногородах, где шёл «передел собственности», т. е. приватизация предприятий, который сопровождался ростом преступности. В Нижневартовском районе до сих пор вспоминают о том, как «в 1990-е годы и гранаты в окна бросали, и убийства были» (Интервью 3). Об этом же рассказывали мои собеседники в Мончегорске (Мурманская обл.), где в 1990-е годы было несколько банд (организованных преступных группировок, ОПГ), специализировавшихся на хищении металла (в т.ч. никеля, кобальта, платины и пр.) с горно-металлургического комбината¹. Нарушение спокойного течения повседневной жизни и рост насилия тоже было причиной отъезда населения с Севера. Хотя в некоторых случаях смена собственника предприятия и увольнение сотрудников подтолкнули к созданию своего бизнеса. Так это произошло в г. Радужный:

«В 1993м году наше предприятие ... мягким рейдерским захватом было прибрано к рукам Негуснефтью². ... И всех старых работников, – я бы сказал, 90% (ну, 80% точно) выжили, т. е. создали такие условия, что люди ушли. Я тоже уволился. Был полгода безработный, и в 1993-м году 6-го декабря открыл свою первую фирму» (Интервью 4).

Выжить в Заполярье: шахтёрская «валюта» и «окно возможностей» для научного сообщества

Именно в начальные постсоветские годы проверялся запас жизнестойкости горожан и локации в целом. Было несколько проверенных стратегий выживания. На низовом уровне получает распространение внутрисемейная

1 Мои собеседники из Мончегорска с гордостью вспоминали, что в 1990-е гг. их город негласно назывался криминальной столицей Кольского полуострова. А в оппозиционной газете Усть-Камчатска мне встретилось название Усть-Ментовск, подчёркивающее доминирование силовых структур в регионе.

2 Негуснефть – частная нефтяная компания, создана в 1992 г.

самоорганизация. Частым явлением становилась смена профессии или поиск новых заработков.

«Был такой момент, что даже ученые должны были идти на рынок, торговать рыбой, потому что нам просто не платили зарплату по девять месяцев. ... Я это фигурально говорю, не только рыбой, но и колготками [торговали], кто-то ещё чем-то» (Интервью 5).

Самым тяжёлым в 1990-е годы для горожан было отсутствие продуктов. Одним из способов решения проблемы стал переход на «самообеспечение»: делали запасы на зиму, выращивали овощи на даче, ловили рыбу, охотились, собирали дикоросы. «В 90-е это был способ выжить. Продавали очень много. Охота, рыбалка – не знаю, в меньшей степени, а грибы, ягоды – да, собирали, продавали очень много» (Интервью 6). В крайних случаях дело доходило и до совершенно нетрадиционных видов питания, как, например, приходилось поступать жительнице г. Радужного: «Когда нечего было кушать, ехали к хантам, покупали у них мясо оленьё. А ещё чаек стреляли и кушали, потому что не было мяса» (Интервью 3).

Чуть проще было тем, кто работал в организациях, которые могли как-то поддержать своих сотрудников. Например, сотрудники управления Мурманского тралового флота имели возможность покупать «свою же выловленную, по ценам просто неслыханным, в три-четыре раза дешевле, чем в магазинах». Бывший сотрудник Тралфлота вспоминал, что это было большой поддержкой: «Курицу точно так же привозили. Видимо, «Тралфлот» выменивал где-то рыбу на курицу. Прямо ящиками [продавали] за копейки какие-то – просто чтобы поддерживать людей, спасибо руководству этого предприятия, что они так делали» (Интервью 18).

В моногородах градообразующее предприятие старалось поддерживать своих сотрудников. При этом поддержка выражалась не в деньгах, т. к. зарплата часто задерживалась или не выплачивалась, а в использовании системы талонов. Так, в Кировске на предприятии «Апатит» в начале 1990-х годов появились талоны, называемые в повседневном обиходе «валютой».

«Зарплаты задерживали, естественно, но всё-таки платили. У нас была своя валюта. На каждом стояла подпись [главного бухгалтера] Журих, и мы их звали в шутку жориками. <...> Я очень смутно их помню. ... Такое было не только у нас, это было в АТП [автотранспортное предприятие, автоколонна 1378]. Там тоже была своя валюта. ... У нас был Комбинат рабочего питания [КРП], это сеть магазинов и столовых. И в КРП мы могли спокойно эти жорики отоваривать. <...> Можно было ждать зарплату, которую задерживают, и можно было беспрепятственно получить эти жорики и покушать в столовой КРП или пойти отовариться» (Интервью 7).

«Всем задерживали [зарплату]. Не знаю как у вас в Центральной части [России], а у нас в магазинах в книгу долговую записывали. На руднике, где у меня отец был, придумали [свои деньги]. У меня даже дома где-то есть валюта – некий купон, который обналичивали [и получали продукты], а вообще это тяжёлый период был». (Интервью 9).

Такая поддержка, скорее всего, помогла предотвратить социальное напряжение. Так, в отличие от шахтеров Кузбасса и Донбасса, горняки Кировска не участвовали в забастовках. Очевидец тех событий вспоминал:

«Я не помню, работал я или уже уволился. Были случаи, где была попытка ребят остаться в горе и требовать повышения зарплат. Инициаторов быстро подкупили [новыми] квартирами. Все это замяли, чтобы не было большого протеста» (Интервью 8).

Информанты вспоминают, что жизнь в 1990-е годы на Кольском полуострове (в частности, в Апатитах и Кировске) была более «сытой», чем в Центральной России.

«Жили бедно, но не голодали. Как мне рассказывают люди, как жили в Ленинградской области, что люди буквально голодали, падали в голодные обмороки – я такого [здесь] не помню» (Интервью 7).

Однако на других северных территориях ситуация была значительно сложнее.

«Ещё момент, чем север меня поражает. Когалым. Эпоха тотального дефицита. Там совершенно ничего нет в магазинах. Там продавались только мозги. Мы хихикали, что какая скотина – мышц нет, одни мозги. Абсолютно никаких продуктов. То, что там покупали – как-то так случайно, с задних дверей. И это всё коробками. И эти коробки стоят так в уголках. Тушенка, какие-то компоты и прочее. И эта радость такая – ооо, продукты запасены. Сложно [было]» (Интервью 19).

Особенно трудно приходилось одиноким женщинам или семьям с детьми. Вот рассказ женщины из города нефтяников – Радужного (Ханты-Мансийский округ), где не было такой поддержки со стороны градообразующего предприятия.

«Начало 90-х – было очень сложно жить, потому что зарплату не платили, вообще перестали платить. Это, наверное, 91-й, 92-й – вот эти года. Сначала-то были талоны... [Мне пришлось с работы уйти], потом я устроилась в детский садик работать. Я решила для себя так – ребёнок у меня три раза будет кушать в садике, и я сама смогу хотя бы раз там поесть. До этого я ходила на речку и ловила рыбу. Бывали моменты – я отварю картошку, и думаю, пускай ребёнок поспит. Попозже проснётся, значит, меньше будет кушать. ... И вот, бывали такие моменты. Зарплату не платили. Было о-о-очень тяжело. Я сейчас думаю, как мы выжили, я не знаю» (Интервью 3).

Однако кроме трудностей, 1990-е предлагали новые возможности. И прежде всего для научного сообщества, для которого открылось «окно возможностей»: стали развиваться международные контакты, начался отказ от идеологизированных и единообразных исследовательских подходов. Одновременно с этим происходило резкое уменьшение финансирования научных разработок и поиск дополнительных источников дохода. Одна информантка вспоминала, что ей приходилось работать на нескольких работах, чтобы не увольняться из академического института:

«Мы жили очень плохо, потому что мы три дня работали, два дня не работали. ... Я ночью дежурила в одном из детских садов, в двух магазинах мыла полы, уборку делала, потому что денег не хватало. Я даже репетиторством занималась, готовила к поступлению в Кировский горный техникум» (Интервью 10).

Учёным приходилось делать выбор между сохранением социального статуса и необходимостью обеспечивать себя и свои семьи. Об этом же писала Н. Томпсон, описывая ситуацию в геологии Чукотки:

«В 1993 году российское правительство резко прекратило финансирование, и профессия геолога на Чукотке была брошена, по словам тогдашнего главного геолога, “на произвол судьбы”. Тысячи геологов покинули Север, присоединившись к массовому исходу других высококвалифицированных специалистов из округа. Те, кто остался на Чукотке, сменили вид деятельности: одни получили второе образование, другие занялись мелким бизнесом, третьи, используя связи, получили государственные должности. Небольшое число сумели продать свои умения и навыки золотодобывающим концернам, но нигде прежняя вера в геологию как в ключевое направление деятельности на севере не сохранилась в неизменном виде» (Thompson, 2008, p. 93).

Говоря о выживании учёных, можно увидеть две наиболее распространённые практики – уйти из науки и оставаться внутри научной институции. Стратегии выживания могли диктовать пассивную (пережидание) и активную (действие) линии поведения. Случай пассивного переживания лучше всего передаётся словами очевидца: «Мы сидели в здании Академии наук, смотрели в окно, и ждали зарплату. Я помню эту фразу: “А где деньги?” “Деньги [высланы] из Москвы”. Сидим, смотрим в окно, ждем, когда деньги появятся» (Интервью 11).

Активную позицию, как можно предположить, стимулировал взаимный интерес российских и иностранных учёных. Сначала появлялись контакты на личном уровне, затем поступали предложения о стажировках и участиях в конференциях. Многие сотрудники научного центра воспользовались такими приглашениями для вхождения в международные научные сети.

«Я была дважды, в Финляндии и в Норвегии, в Лапландском университете я обучалась по программе Arctic Study Program три месяца, а потом в Норвегии, в университете в Тромсё я проходила научную стажировку, собирала материалы для кандидатской диссертации» (Интервью 11).

Однако к началу 2000-х гг. таких возможностей стало меньше.

Замечу, что у учёных в силу профессиональной специфики (постоянной готовности к обучению и наличия т. н. «гибких навыков») имеется значительный потенциал жизнестойкости, которая проявляется в конвертации своих специфических навыков в доход. Поэтому вариант ухода из фундаментальной (академической) науки и переход в наукоемкие отрасли производства стал распространенным сценарием выживания для 1990-х.

«Мне кажется, все это произошло из-за того, что у нас было огромное количество [сотрудников], более 5000 человек, хорошо образованных, с другими взгля-

дами и жизненными установками [чем у большинства горожан]. Они были готовы рисковать и что-то делать новое» (Интервью 12).

Наиболее распространёнными занятиями становится поставка компьютерного оборудования и программного обеспечения.

«У нас очень много ушли в IT, или ещё что-то. ... Все, что у нас было нового, было сделано людьми, которые, поработав в Кольском научной центре, встретили сложную ситуацию, пошли и начали делать что-то другое» (Интервью 12).

Другие научные сотрудники, имевшие альпинистский опыт, занялись торговлей спортивного оборудования: «у них бизнес построен на том, что они знают, любят, и могут предложить».

Тогда же, в начале 1990-х г. (по другим воспоминаниям – в конце 80-х гг.), сотрудники Геологического института КНЦ РАН начали проводить выставку-ярмарку «Каменный цветок», где выставлялись и продавались разнообразные минералы, найденные на Кольском полуострове. В ней участвовали мастера-камнерезы и коллекционеры. «Каменный цветок» оказался способом применения профессиональных знаний к возможности заработать деньги, продавая изделия из поделочного камня. «Это же было время, когда здесь только ленивый мастер чего-нибудь не придумывал руками» (Интервью 13). Выставка проводится до сих пор и пользуется большим интересом среди туристов и жителей Мурманской области.

Практики выживания, сложившиеся в Заполярье, могут быть легко применимы ко многим постсоветским городам. И важную роль здесь играет транспортная доступность Кировска и Апатитов, из которых было легко уехать даже в самые тяжёлые годы десятилетия.

Случай Усть-Камчатка: транспортная безальтернативность

Значительно сложнее было населённым пунктам, находящимся в зоне транспортной безальтернативности¹ или зоне бездорожья². У жителей таких поселений до сих пор сохранился страх остаться без какой-либо помощи из-за погодных условий или экономических проблем. Именно в такой ситуации оказались жители посёлка Усть-Камчатск (Камчатская обл.). До начала 1990-х годов в этот посёлок, находящийся на востоке полуострова Камчатка, можно было приехать разными путями.

«Добраться всегда можно было от Петропавловска-[Камчатского] самолётом либо паромом, без проблем. Если ты хочешь зверей посмотреть /имеются в виду медведи – Авт./, пожалуйста, езжай на машине. Только для этого должен

1 Транспортная безальтернативность, т.е. неразвитость транспортной сети, прежде всего отсутствие многовариативности передвижения, предполагающая только единственный способ перемещения на дальние расстояния; чаще всего это наземная автомобильная дорога.

2 Бездорожье – полное отсутствие транспортной сети; чаще всего добраться до населённого пункта можно только самолётом и, иногда, зимой по зимнику.

был быть пропуск, потому что на сопках стоял шлагбаум, и если ты местный, то ты проедешь, если ты не местный, то нет» (Интервью 14).

Жители предпочитали морской путь.

«При Советском Союзе раньше по побережью ходило два теплохода «Николаевск» и «Ульяновск». ... А ещё баржа была у нас, [называлась] «Рыбачка» или «Морячка». В трюме ... сидишь, и её тащат катером, и она заходит в порт. Все кануло в Лету. Где эти сейчас корабли, не знаю» (Интервью 15).

Сейчас в посёлок можно приехать только наземным транспортом – на рейсовом автобусе или машине.

К концу советского периода в посёлке проживало более 13 тысяч жителей (Всесоюзная перепись населения 1989 г.). Будучи морским торговым портом, а также центром лесозаготовок и рыбоперерабатывающей промышленности, он был динамично развивающимся и привлекательным для разных категорий населения. Имелось и собственное градообразующее предприятие – Усть-Камчатский рыбоконсервный завод.

«Жизнь кипела, народу было много. Квартиру получить было невозможно. Мы работали на рыбоконсервном заводе, который тоже гремел на всю страну. На заводе работало где-то 1500 рабочих, сезонников очень много приезжало. Завод считался градообразующим предприятием. Ещё там был морпорт, грузы все через море [отправлялись]. И лесоперевалочная база, куда привозили с материковой части, с Козыревска кругляк, и отправка [леса] тоже была морем. Это лесоперевалочная база, где это все складировалось. ... Морпорт – было большое предприятие. Куча кораблей стояло на рейде. В нашу протоку они не заходили. Но даже когда я работала при Советском Союзе, у нас заходили корабли типа Приемно-транспортные рефрижераторы. Мы на них консервы грузили, они подходил прямо к причалу рыбоконсервного завода» (Интервью 15).

Усть-Камчатск состоял из трёх районов: рыбоконсервный завод, располагавшийся на Дембиевский (Первозаводской) косе, и жилые районы: Новый посёлок и микрорайон Погодный.

«В Новом посёлке, в основном, [были] двухэтажные деревянные дома. ... Там был большой универмаг, кинотеатр, где кино показывали. И [был] большой, двухэтажный Дом культуры моряков. Там было очень хорошо. А на Погодном были пятиэтажки, большие современные дома» (Интервью 15).

Резкое изменение ситуации произошло в начале 1990-х гг. «Я в 93-м уходил в армию, уже тогда начались изменения, а в 95-м я демобилизовался, приехал домой и просто как в темноту попал» (Интервью 16).

Начавшиеся реформы разрушили налаженные устойчивые связи сбыта и финансирования предприятий. Приватизация вызвала у населения шоковое состояние и привела к оттоку населения. Статистических данных по изменению численности посёлка в открытом доступе не имеется. Но на интернет-форумах, на которых общаются бывшие жители посёлка, часто встречается дата отъезда: «уехал я в 1994 году», «уехала из посёлка в 1995» и пр.

К началу 2000х годов население посёлка уменьшилось почти в 2 два раза, до 7,5 тысяч человек.

В памяти жителей не сохранилось точных дат, когда происходили изменения в промышленной структуре посёлка. Для них это всё относится к «тяжёлым 1990-м».

«У нас рухнуло все в один момент. ... Зарплату не выплачивали по полгода, потом подвели к банкротству, разорили и потом, до того, как его не купили за три рубля... Работы нет, денег нет, зарплату, которую должны [выплатить] за три года, выплачивают копейками. В основном, [платили] бартером, привезут каких-нибудь продуктов, по талонам их выдадут, потом с нашей зарплаты повычитают. Как только это случилось [с рыбоконсервным заводом], то же самое случилось с морским портом и с лесоперерабатывающей базой одновременно. Сразу все прекратилось» (Интервью 15).

Уточню, что первый этап «передела собственности» приходился на 1992-1993 г., когда Усть-Камчатский рыбоконсервный завод и рыболовный колхоз «Путь Ленина» были объединены в одно предприятие «Истен Стар Кам»¹. Местные журналисты так описывали ситуацию в посёлке:

«Середина 90-х годов по большому счёту для Усть-Камчатского района оказалась наитруднейшей. На боку лежали коммунальная и социальная сферы населённых пунктов. Рыбных предприятий, в которых люди работали за копейки, насчитывалось более пятидесяти. ... Рыбные предприятия-однодневки росли тогда, словно грибы после дождя. Но, поработав сезон, “забыв” заплатить налоги в местный бюджет и выплатить зарплату своим рыбакам и обработчикам, куда-то исчезали» (Битва титанов).

В 1998 г. «Истен Стар Кам» стал первым крупным банкротом в рыбной отрасли Камчатки. Все сотрудники предприятия были уволены. «Страсти в том 1998 году пылали столь яростно, что доходило дело до мордобоя, а однажды отчаявшийся народ взял в заложники конкурсного управляющего, который проводил процедуру банкротства» (Космынина, 2001). Хотя морской порт и работал все девяностые, ему пришлось сократить объем грузов и переориентироваться на доставку топлива для жителей населенных пунктов побережья. При этом Усть-Камчатск почти полностью зависел от привозного топлива.

Смена собственника градообразующего предприятия, сокращение деятельности морского порта, а также деятельность местной администрации привели к зимней катастрофе 1998-1999 гг. Это была не уникальная ситуация; вся Камчатка, начиная с середины 1990-х годов, жила за счёт федеральных кредитов, которые местная власть тратила не по назначению. При этом топливо поставлялось в регион только в короткий летний навигационный период (максимум три-четыре месяца) во время Северного завоза. Исследовательница Юлия Ковалевская эмоционально описывает, что происходило в эти годы на Камчатке.

1 Название было зарегистрировано на кириллице

«Бюджетные деньги использовались не по назначению, уводились в «тень», население оставалось без продуктов и отопления, и никто не нёс за это ответственности. Политическая безответственность власти порождала среди населения настроения недоверия, социальной апатии, отчаяния» (Ковалевская, 2010, с. 66).

В октябре 1998 г. администрация Усть-Камчатского района отправила правительству Российской Федерации телеграмму:

«... [от] имени двадцати двух-тысячного населения обращаемся [к] Вам [в] связи [со] сложившейся катастрофической ситуацией по поставке топлива, продовольствия. На сегодня при температуре минус 15 градусов не было и нет вообще жидкого топлива для котельных, бензина для подвоза дров. Запасов муки осталось на 5 дней. Вынуждены закрывать школы, детские сады, больницы, приют. Начала замораживаться система водоснабжения, канализация. Из-за длительных невыплат заработной платы работникам бюджетной сферы, коммунального хозяйства, значительного роста цен [на] продукты питания, отсутствия средств на их покупку у некоторых жителей начались голодные обмороки, массовые простудные заболевания. Администрация области не в состоянии оказать помощь из-за отсутствия средств, ждёт вашего решения, вашей помощи. Промедление однозначно катастрофе, последствия могут оказаться непоправимыми. Просим экстренно направить 15 тыс. т[онн] жидкого топлива, 2 тыс. т[онн] бензина, 1 тыс. т[онн] муки из гос[ударственного] резерва» (цит. по Ковалевская, 2010, с., 67).

В ответ правительство РФ затребовало отчёт, и выяснилось, что не только посёлок, но и весь полуостров не готовы к зиме. В большинстве населённых пунктов не было запасов топлива. Однако самая тяжёлая ситуация была в Усть-Камчатске. Не было мазута, угля, дизельного топлива, а дров было заготовлено только 5% (вместо 41000 кубометра дров в наличии было 2000) (Ковалевская, 2010, р. 67). Только в начале декабря региональные власти сообщили, что в Усть-Камчатск выходит баржа с топливом, а через неделю должна была прийти ещё одна баржа. В эти дни температура в посёлке доходила до -30 C° .

Осень и начало зимы 1998 г. в воспоминаниях жителей выглядели так.

«Весь посёлок ждёт танкер, когда он придёт. Танкер пришел на [мыс] Погодный, постоял три дня, ушёл на Петропавловск и выгрузился там. Нам топливо не завезли¹. В результате в первые дни ноября замёрзла котельная, порвало все коммуникации. ... Все встало. Встала котельная, тут же перемерзла вода, канализация. ... В пятиэтажных домах стояли полностью пустые подъезды. Подъезд [состоит] из пяти этажей, на этаже – три квартиры [жилые]. У кого была возможность – уехали, всё бросили. А зимой вообще все перемерзло» (Интервью 15).

Уже в этой цитате мы видим две стратегии – остаться или уехать. Уехавшие оставляли квартиры и перебирались «на материк», а оставшимся

1 Нужно отметить, что здесь присутствует смешение двух событий. Первое из них произошло в январе 1997 г. – небольшому танкеру, который шел на Усть-Камчатск, пришлось уйти в Петропавловск-Камчатский, т. к. в эти дни затонул танкер «Находка» (1-2 января 1997 г.), который вёз топливо в Петропавловск-Камчатский. Второе, – осенью-зимой 1998 г., когда в посёлок не привезли топливо из-за финансовой политики местного руководства.

пришлось перестраивать свою повседневность. Вместо нерегулярно выплачиваемой зарплаты деньги стали зарабатывать ловлей рыбы в ближайшем озере.

«По поводу еды – нас спасало озеро Нерпичье и огороды. Мы сажали картошку, а в Нерпичьем озере было много корюшки. Раньше её никто не ловил, никому она была не нужна, а потом мы повадились ходить на зимнюю рыбалку. Потом к нам стали приходить КАМАЗы из Петропавловска и скупали у нас эту рыбу за наличные деньги. Сначала было 2,5 рубля за килограмм, а потом стало доходить до 36 рублей. И мы с этой рыбалки жили лет восемь, примерно до 2005 г.» (Интервью 15).

Пойманную рыбу не только продавали, но и ели. На полученные деньги покупались продукты. Чтобы спастись от холода ставили печки-буржуйки. Подобные печки были широко распространены на севере. Так, я видела трубы от печек-буржуек в Охе на Сахалине. Анастасия Карасева, анализируя коммунальную аварию в Магаданской области в начале 1990х г., тоже упоминает об использовании печек-буржуек (Карасева, 2018, с. 130). Печки делали умельцы из имевшихся материалов, которые зачастую находились на близлежащих свалках.

«Когда буржуйку топишь, даже жарко [становится], а потом она прогорает и [снова холодно]. Утром уже холодно вставать. ... Её можно было картоном топить. Засунул картон, поджжёт, и мгновенно дома тепло делалось» (Интервью 15).

Электричество в посёлке включалось на 2 часа в день. В этот момент необходимо было успеть приготовить еду.

«Как выживали? Дома деревянные пилили на дрова. Начались первые веерные отключения света. А свет – это здесь все, потому что здесь нет газа. А все топливо поставлялось морем» (Интервью 17).

Тяжёлые условия создали возможности для возникновения неформальных сетей поддержки и взаимопомощи. Люди объединялись для совместной ловли корюшки, обменивались одеждой, чаще всего детской, делали совместные покупки. В условиях севера подобные неформальные связи всегда были распространены, и во время усть-камчатской зимовки они подтвердили свою необходимость.

В памяти жителей «трудных зим» было три – с 1998 по 2001 гг. Наиболее тяжёлой оказалась именно зима 1998–1999 гг. Ситуация стала меняться после назначения нового главы администрации в 2000 году.

«Потом Невзоров стал главой муниципалитета. Он привёз бригаду рабочих, они разобрали всю систему [отопления], все поменяли, поставили бойлеры к каждому дому и включили отопление. Но это не за один год, конечно. Но централизованного [отопления] так и не сделали» (Интервью 15).

Спустя годы Усть-Камчатск представляет печальное зрелище. Кроме резкого уменьшения численности населения, произошло и сжатие территории. Большинство жителей живёт в микрорайоне Погодный, где налажено

отопление. Здесь же находятся и все административные службы, школа и детский сад. В Новом посёлке значительная часть деревянных домов находится в заброшенном состоянии. Здесь же видны «проплешины» от снесённых или разобранных зданий. Когда мы гуляли по посёлку, в разговоре постоянным рефреном звучала тема сноса и уничтожения зданий.

«Теперь мы проезжаем ряд пустырей по улице Ленина, где стояли двухэтажные дома, которые снесли. ... Вот дом нежилой, видите, [у него] пустые окна. Смотрите, на этом поле стояли дома. Сейчас мы видим пустыри. А дальше дома заселены, но они ветхие, маленькие. ... А вот здесь был комплекс районной больницы. Все снесли. Вместо больницы – чистое поле. Вот парк, он весь зарос, тут были тропинки, тут стоял кинотеатр. В нем стоял Дом культуры моряков с кинотеатром, за ним был тир. ... Дом культуры снесли. [А в парке] стояли карусели и качели-лодочки» (Интервью 17).

Усть-Камчатск стал прекрасной иллюстрацией к тому насколько важна бесперебойная работа инфраструктуры для жизнедеятельности города. Северные населённые пункты в действительности не могут выжить без внешних ресурсов и принимаемых извне решений. Не только в 1990-е, но и позднее, регулярно поднимался вопрос – кто должен финансировать жизненно важные объекты инфраструктуры: федеральный бюджет, местная власть или и те и другие, в сочетании с частным капиталом?

Выводы

Постсоветский кризис 1990-х годов больно ударил по всему бывшему СССР. Где бы ни находились поселения – на севере или на юге, всем было тяжело. В силу динамичных изменений природной среды и большей уязвимости экономики, населённые пункты в северных регионах испытывали (и испытывают) мощные кризисные воздействия значительно чаще, чем города в других регионах. Без Северного завоза выживать было почти нереально. Реакция на периодическое отсутствие поддержки со стороны государства показала хрупкость северных поселений. Кроме того, локальное сельское хозяйство, которое могло частично заместить потребности населения, в первой половине 1990-х годов было признано нерентабельным и почти полностью разрушено. А система Северного завоза могла функционировать только при отсутствии бюджетных ограничений, при безотказном государственном финансировании всех заявляемых потребностей. Происходившие регулярные сбои в системе северного жизнеобеспечения, угрозы замерзания и эвакуации людей наглядно показывали, что проблема эта реально существовала.

1990-е годы оказались губительными для Севера ещё и потому, что многие поселения оказались в условиях «изолированных островов», и поэтому постепенно деградировали за счёт сжатия локального пространства и значительной потери населения. Для оставшихся жителей повседневность часто была борьбой за выживание, с использованием всех доступных ресурсов

– от браконьерской ловли рыбы или продажи цветных металлов до сбора грибов и выращивания картошки или совмещения нескольких видов работ, доступных в городе. Следы выживания в виде опустошения пространства (заброшенных домов, пустырей, разнообразных недостроенных и разрушающихся зданий) сохранились до сих пор.

Однако не следует считать, что большая часть сложившихся практик кризисного периода продолжают быть востребованными в современности. В периоды стабильности о них можно говорить как о «латентных» практиках, которые в значительной мере остаются в социальной памяти. Но можно прогнозировать, что сложившиеся кризисные паттерны поведения при повторении ситуации актуализируются, в том числе потому, что уже понятно, какие практики наиболее успешны, а какие – менее.

Кроме прочего, период 1990х гг. высветил большую проблему – перенаселение северных территорий России. Не зря в постсоветские десятилетия постоянно поднимается этот вопрос – а нужно ли так много населённых пунктов на Севере? И не следует ли государству сосредоточиться на поддержке самых важных, оставив другие постепенно разрушаться и погибать?

И хотя в настоящее время «Северам» и Арктике отдаётся приоритетная роль в геополитических стратегиях, но в своих расчётах геополитики не учитывают повседневную жизнь укоренённого (не из числа коренных малочисленных народов) населения. Наиболее ожидаемой линией поведения для них становится переезд в более благоприятные части страны. При этом мнение жителей, сознательно выбирающих проживание и укоренение на Севере, зачастую не учитывается как малозначимое.

Благодарности

Я благодарю Н.Ю. Замятину, А.И. Вилейкиса и других коллег, с кем мы ездили в поле и неоднократно обсуждали идеи «до поля» и «после поля», сравнивая наши гипотезы и выводы. Без поддержки кураторской команды Фрайдеймилк не состоялись бы замечательные и неожиданные поездки по Мурманской области в декабре 2020 г. и феврале 2022 г. Спасибо анонимным рецензентам, их рецензии позволили изменить мой текст к лучшему.

И, разумеется, я испытываю искреннюю благодарность к своим собеседникам-респондентам, которые делились со мной опытом проживания тяжёлых ситуаций и умудрялись находить позитивные моменты в грустных историях выживаний. Без них эта статья не была бы написана.

Список литературы

Josephson, P. R. (2014). *The Conquest of the Russian Arctic*. Harvard University Press.
<https://doi.org/10.4159/harvard.9780674419827>

- Thompson, N. (2008). *Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia's Arctic Frontier*. University of British Columbia Press. <https://doi.org/10.59962/9780774856164>
- Битва титанов, или почему молчат рыбаки. (2008). Fishkamchatka. <http://old.fishkamchatka.ru/?cont=long&id=13923&year=2008&today=20&month=11>
- Вахтин, Н., & Дудек, Ш. (Ред.). (2020). «Дети девяностых» в современной Российской Арктике. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР. (б. д.). Demoskop Weekly; Demoskop Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php
- Головнев, А. В. (2020). Скорость в антропологии движения. *Сибирские исторические исследования*, 2, 57–78. <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/4>
- Гололобов, Е. (2017). Сибирский Север: Динамика образа—От Barren grounds к Northern plain. *Quaestio Rossica*, 5(1), 137–152. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.1.216>
- Давыдов, В. Н. (2018). Стратегии использования пространства и режимы автономности: Отношения эвенков и государства на Северном Байкале. *Этнография*, 2, 46–48. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-46-66>
- Дашинамжилов, О. Б. (2018). *Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование*. Издательство СО РАН. <https://doi.org/10.15372/POPULATION2018DOV>
- Зайончковская, Ж. (1999). «Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации». *Мир России: Социология, этнология*, 8(4), 22–34.
- Зайончковская, Ж. А. (1991). *Демографическая ситуация и расселение*. Наука.
- Замятина, Н. Ю., Ключева, В. П., Гончаров, Р. В., Бурцева, А. В., Котов, Е. А., Медведков, А. А., Молодцова, В. А., Никитин, Б. В., Пилясов, А. Н., Поляченко, А. Е., Стрелецкий, Д. А., & Шамало, И. А. (2023). *Жизнестойкость арктических городов: Теория, комплексный анализ и примеры трансформации*. Общество с ограниченной ответственностью «Издательские решения».
- Замятина, Н. Ю., Котов, Е. А., Гончаров, Р. В., Бурцева, А. В., Гребенец, В. И., Медведков, А. А., Молодцова, В. А., Ключева, В. П., Кульчицкий, Ю. В., Миронова, Б. А., Никитин, Б. В., Пилясов, А. Н., Поляченко, А. Е., Потураева, А. В., Стрелецкий, Д. А., & Шамало, И. А. (2022). Оценка потенциала жизнестойкости городов Российской Арктики. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, 5, 52–65.
- Истомин, К. В. (2018). «Только трусливый плутает»: Страх, беспокойство и ориентация в пространстве у оленеводов – ненцев и коми. *Этнография*, 2, 67–83. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-67-83>
- Калеменова, Е. А. (2019). «Поворот к человеку» в проектах и практике урбанизации Крайнего Севера СССР в 1950–1960-е годы [Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук]. НИУ ВШЭ.
- Карасева, А. (2018). Разомкнутая модерность: Коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа. *Антропологический форум*, 38, 122–146. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-38-122-146>
- Ковалевская, Ю. Н. (2010). Холодная зима 1998 г.: Социальный коллапс в г. Усть-Камчатске. *Россия и АТР*, 3, 63–70.

- Колева, Г. Ю., Стась, И. Н., & Шорохова, И. И. (2013). *Становление индустриально-урбанистического общества на территории Тюменской области*. ТюмГНГУ.
- Контарева, А. Ю., Масальская, А. И., & Земнухова, Л. В. (2019). Локальное время мирового IT: о восприятии времени русскими программистами в России и за рубежом. *Этнографическое обозрение*, 3, 62–79. <https://doi.org/10.31857/S086954150005294-3>
- Космынина, О. (2001, ноябрь). Выросла на развалинах. *Рыбак Камчатки*, 48.
- Крайний Север к 1934 г. *Сборник материалов по хозяйственному и культурному строительству*. (1934). Власть Советов.
- Куцев, Г. Ф. (1989). *Человек на Севере*. Политиздат.
- Левиков, А., Переведенцев, В., Смирнов-Черкезов, А., & Травинский, В. В. (1967, июнь 7). Путешествие к феномену. *Литературная газета*.
- Меерович, М. Г., Коньшева, Е. В., & Хмельницкий, Д. С. (2011). *Кладбище соцгородов: Градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.)*. РОСПЭН.
- Мкртчян, Н. В. (2004). «Западный дрейф» внутрироссийской миграции. *Отечественные записки*, 4(19), 94–104.
- Переведенцев, В. И. (2010). *Страна, сбежавшая с холода*. Фонд Новая Евразия, МАКС.
- Хамфри, К. (2010). *Постсоветские трансформации в азиатской части России*. Наталис.

References

- Bitva titanov, ili pochemu molchat ribaki*. (2008). Fishkamchatka. <http://old.fishkamchatka.ru/?cont=long&id=13923&year=2008&today=20&month=11> (In Russian).
- Dashinamzhirov, O. B. (2018). *Gorodskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e godi: Istoriko-demograficheskoe issledovanie*. Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.15372/POPULATION2018DOB> (In Russian).
- Davydov, V. N. (2018). Strategies of Using the Space and Autonomy Regimes: The Relations of Evenkis and the State in the Northern Baikal. *Etnografya*, 2, 46–66. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-46-66> (In Russian).
- Gololobov, E. (2017). The siberian north and the dynamics of an image: From Barren grounds to a Northern plain. *Quaestio Rossica*, 1, 137–152. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.1.216> (In Russian).
- Golovnev, A. V. (2020). Speed in the anthropology of movement. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2, 57–78. <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/4> (In Russian).
- Istomin, K. V. (2018). “Only Cowards Get Lost”: Fear, Anxiety and Spatial Orientation among Komi and Nenets Reindeer Herders. *Etnografya*, 2, 67–83. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-67-83> (In Russian).
- Josephson, P. R. (2014). *The Conquest of the Russian Arctic*. Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674419827>
- Kalemeneva, E. A. (2019). “Turn to a Human” in Projects and Practices of Urbanization of the Soviet Far North in the 1950–1960s [PhD Thesis]. HSE University. (In Russian).

- Karaseva, A. (2018). Modernity Unplugged: The Failure of Public Utilities in the Sensory Landscape of the Northern Town. *Antropologicheskij forum*, 14(38), 122–146. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-38-122-146> (In Russian).
- Khamfri, K. (2010). *Postsovetskie transformatsii v aziatskoy chasti Rossii*. Natalis. (In Russian).
- Koleva, G. Yu., Stas', I. N., & Shorokhova, I. I. (2013). *Stanovlenie industrial'no-urbanisticheskogo obschestva na territorii Tyumenskoy oblasti*. TyumGNGU. (In Russian).
- Kontareva, A., Masalskaya, A., & Zemnukhova, L. (2019). Local Time of the Global IT: The Time Perception of Russian Software Developers at Home and Abroad. *Etnograficheskoe obozrenie*, 3, 62–79. <https://doi.org/10.31857/S086954150005294-3> (In Russian).
- Kosminina, O. (2001, November). *Virosla na razvalinakh*. *Ribak Kamchatki*, 48. (In Russian).
- Kovalevskaya, Yu. N. (2010). The Cold Winter of 1998: Social Collapse in Ust-Kamchatsk. *Russia and the Pacific*, 3, 63–70. (In Russian).
- Krayniy Sever k 1934 g. *Sbornik materialov po khozyaystvennomu i kul'turnomu stroitel'stvu*. (1934). Vlast' Sovetov. (In Russian).
- Kutsev, G. F. (1989). *Chelovek na Severe*. Politizdat. (In Russian).
- Leviko, A., Perevedentsev, V., Smirnov-Cherkezov, A., & Travinskiy, V. V. (1967, June 7). *Puteshestvie k fenomenu*. *Literaturnaya gazeta*. (In Russian).
- Meerovich, M. G., Konisheva, E. V., & Khmel'nitskiy, D. S. (2011). *Kladbische sotsgorodov: Gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)*. ROSSPEN. (In Russian).
- Mkrtchyan, N. V. (2004). "Zapadnyy dreyf" vnutrirossiyskoy migratsii. *Otechestvennie zapiski*, 4(19), 94–104. (In Russian).
- Perevedentsev, V. I. (2010). *Strana, sbezhavshaya s kholoda*. Fond Novaya Evraziya, MAKS. (In Russian).
- Thompson, N. (2008). *Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia's Arctic Frontier*. University of British Columbia Press. <https://doi.org/10.59962/9780774856164>
- Vakhtin, N., & Dudek, Sh. (Eds.). (2020). "Deti devyanostikh" v sovremennoy Rossiyskoy Arktike. Publishing house of the European University in St. Petersburg. (In Russian).
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. *Chislennost' gorodskogo naseleniya RSFSR*. (n. d.). Demoskop Weekly; Demoskop Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (In Russian).
- Zamyatina, N. Yu., Klyueva, V. P., Goncharov, R. V., Burtseva, A. V., Kotov, E. A., Medvedkov, A. A., Molodtsova, V. A., Nikitin, B. V., Pilyasov, A. N., Polyachenko, A. E., Streletskiy, D. A., & Shamalo, I. A. (2023). *Zhiznestoykost' arkticheskikh gorodov: Teoriya, kompleksniy analiz i primeri transformatsii*. Limited Liability Company "Izdatel'skie resheniya". (In Russian).
- Zamyatina, N. Yu., Kotov, E. A., Goncharov, R. V., Burtseva, A. V., Grebenets, V. I., Medvedkov, A. A., Molodtsova, V. A., Klyueva, V. P., Kul'chitskiy, Yu. V., Mironova, B. A., Nikitin, B. V., Pilyasov, A. N., Polyachenko, A. E., Poturaeva, A. V., Streletskiy, D. A., & Shamalo, I. A. (2022). Resilience potential of the Russian Arctic cities. *Lomonosov Geography Journal*, 5, 52–65. (In Russian).
- Zayonchkovskaya, Zh. (1999). "Vnutrennyaya migratsiya v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazhenie sotsial'noy modernizatsii". *Universe of Russia*, 8(4), 22–34.
- Zayonchkovskaya, Zh. A. (1991). *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie*. Nauka publ. (In Russian).